

ГАСТРОЛИ

Светлана ХОХРЯКОВА

О заграничной театральной деятельности Михаила Козакова, ныне жителя Израиля, все мы слышали не раз. И немало любопытствовали на сей счет: ведь артист уж очень любимый. Наконец, свершилось. В дни IV Международного фестиваля искусств имени А.Д.Сахарова, что проходил в августе в Нижнем Новгороде, русская антреприза М.Козакова дала спектакль "Возможная встреча" по пьесе Пауля Барца. Спектакль превосходно отвечал идее фестиваля "Русское искусство и мир". Между прочим, его исполнителей всюду представляли не иначе, как артистов из Израиля, что вызывало совершенно особую реакцию, смешливую и добрую.

Что-то случилось...

Встречи великих занимали умы потомков не раз, даже встречи несостоявшиеся. Случались подобные фантазии и в драматургии. Здесь как раз тот самый случай.

...Итак, дело было в Лейпциге, вернее, могло бы быть. За бутафорским пиршеством встретились два великих немца: Гендель в исполнении М.Козакова, признанный мэтр и европейская знаменитость, и Бах, кантор церкви святого Фомы, которому вкус славы еще незнаком, но привлекает. В роли Баха — Валентин Никулин, которого мы давно уже не видели. Разве что мимоходом в израильском фильме с русскими артистами "Кофе с лимоном". Впрочем, посмотрели его считанные единицы любителей кино.

Слова "моя родина", "что говорят обо мне на родине" не раз сходили с уст Генделя — Козакова, придававшего им особый смысл. По-особому прозвучали они и для зрителей.

Гений и слава — вечный этот вопрос вновь оказался на повестке дня. Одному нет покоя от гениальности. Баха, другому — музыка Генделя представляет дрянной (о чем открыто и говорится).

Разговоры, разговоры... Двоих. Изредка прерываемые появлением слуги Генделя — Шмидта в исполнении Григория Острина. Персонаж этот своей простотой и искренностью призван "разбавить" напряженный диалог великих. В.Никулин, обреченный постановщиком М.Козаковым на статичность, буквально не выходил из "профильной" мизансцены. Лица было не раз-

глядеть, только локоны парика да нога за ногу оставались на нашу долю. Крайне редко прикованность к месту нарушалась выходом на зрителя (разворотом к рампе).

Сам М.Козаков отчего-то выказал страсть к той школе игры, которую мы могли бы окрестить — "в духе Малого театра", в том лишь примитивном смысле, каковой она представляется протудированному учебное пособие. Значимость жеста и интонации, патетика, громкий голос, от которых, к несчастью, повеяло ароматом провинциального представления. Что это? Откуда? Быть может, грубые эти слова с гораздо большей горечью воспринимаются нами, зрителями, по-настоящему любящими актера и ожидающими от него правды чувств.

Нижегородская публика в массе своей оказалась благосклонной. Стоя рукоплескала своему кумиру и большому артисту за то, что он есть "вообще". Для одних это был "момент истины" и самое яркое событие фестиваля (определение местной газеты), для других встреча обернулась невстречей. Наивно в наши дни лепетать о том, что вне родной земли талант тускнеет. Но что тогда случилось (а вернее, не случилось)?

Тем, кто накануне спектакля побывал на чтецком вечере М.Козакова, довелось испытать совсем иные чувства. И в который раз убедиться, что даром чтеца актер владеет настолько, что можно смело отнести его к разряду избранных на этой стезе.

Наверное, не может быть все в творчестве удачно и постоянно. Триумфы неизбежно соседствуют с промахами. Вспомним того же Генделя. Этим только и остается успокаивать душу.